

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНОЛОГИИ

Ю. Н. Гладкий

РЕГИОН КАК НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ: РЕАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ ИЛИ "МУСОРНЫЙ ЯЩИК"?

Несмотря на то, что региональная концепция давно служит "краеугольным камнем" географии, регионоведение остается одной из наиболее трудных и неблагодарных сфер научной рефлексии в нашей науке. Использование терминов "регионоведение", "районология", "районография", "регионология", "регионалистика", "региональная география", "регионика" etc, отражает как процесс бурной рефлексии и расшатывания традиционных устоев понятийного аппарата, так и подключение к обсуждению теоретических вопросов регионоведения культурологов, политологов и представителей иных профессий, далеких от научной географической традиции. Ключевым для этих терминов является концепт "регион", который может быть понят как реальный конструкт или так называемый "*мусорный ящик*" (выражение J.K. Wright, 1952), наполняемый в зависимости от чьих-то субъективных предпочтений.

Универсального определения самого понятия "регион" не существует в природе, а неоднократно предпринимавшиеся попытки сформулировать его сводились на нет своеобразными интерпретациями этого понятия в других, в том числе смежных отраслях знания. Так, административно-территориальная (поли-

тико-административная или юридическая) трактовка региона как субнациональной единицы вовсе не соответствует его распространенному теоретическому толкованию, поскольку административная сетка нередко носит произвольный, субъективный характер. Юридическая природа такой трактовки объясняется тем, что права и обязанности административно-территориальных образований обычно прописаны в конституции или определены специальными законами.

Философская трактовка региона ассоциируется с особым "миром", которому присущи свой менталитет, образ мышления, традиции, мировоззрение, мироощущение. Историческая интерпретация региона обычно указывает либо на утраченную со временем идентичность, либо на какие-то генетические признаки (привязку в прошлом к определенным церковным приходам, епархиям, муниципалитетам и т.д.). Геополитическое понимание региона исходит из пространственной дифференциации различных политических сил и движений, центров "мощи" и "слабости". Здесь обычно регион представляет собой группу стран, которые по многим очевидным параметрам больше взаимосвязаны друг с другом, чем с иными стра-

нами. Реальный экономический регион - это в большинстве случаев территория, обладающая четко выраженной специализацией производства и определенной хозяйственной целостностью (хотя плановые, программные экономические регионы, как субъективные конструкции, подчас не имеют ярко выраженной хозяйственной специализации и, тем более, не отличаются целостностью) и т.д. и т.п.

Имеются попытки и синтетических определений: "регион - это исторически эволюционирующее компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое содержание, социо-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация" [13, с. 17]. Практическая полезность подобного определения, увы, невелика.

Подобный разброс трактовок оставляет мало надежд на поиск такого определения региона, которое устроило бы всех. По мнению известного американского регионалиста У. Айзарда, по мере углубления в чисто пространственное теоретизирование, регион как дефиниция исчезает вообще и появляется лишь в связи с конкретизацией задачи. Иначе говоря, "иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся" [12, с. 28-29].

Парадоксальным является тот факт, что открывающиеся в стране университетские кафедры регионоведения в своей деятельности фактически игнорируют *природную среду как мощный фактор регионализма* (о чем со всей очевидностью свидетельствует содержание учебных программ), как будто физическая среда обитания людей вовсе не играет никакой роли в регионализации экономической, социальной и других сред. Между тем природные условия оказывают колоссальное воздействие на многие стороны общественной жизни, и, прежде всего - на хозяйственную деятельность человека. Более того, естественная среда влияла и влияет на региональные типы политического устройства государств, на складывающиеся формы собственности и т.д. В свою очередь, процессы регионализма в общественно-экономической сфере влияют на дифференциацию физико-географической среды. Иначе

говоря, существует диалектическая связь (часто в латентных формах) всех факторов регионализма - природных, экономических, социальных, политических, культурных и иных, и не учитывать ее - значит, допускать просчеты в интерпретации всего регионоведения и профанировать региональную концепцию.

Ясно, что на процессы пространственной дифференциации природной среды огромное влияние оказывают такие структурные особенности географической (ландшафтной) оболочки Земли как зональность и азональность. Природные (ландшафтные) зоны - это не идеально правильные ареалы, совпадающие с определенными параллелями. Они не покрывают сплошными полосами нашу планету и нередко разомкнуты, что лишним раз свидетельствует о необычайной сложности механизма географической зональности, а, следовательно, природной регионализации.

Если "официальное регионоведение" хоть как-то "реагирует" на роль зональности и азональности (интегральная и комплексная регионализация), то о регионализации отдельных элементов и свойств природной среды речь идет чрезвычайно редко. Как известно, в основе такой регионализации лежит бесчисленное множество критериев. Так, при изучении теплового режима Земли пространственную дифференциацию можно осуществлять в зависимости от распределения солнечной радиации и температуры по параллелям, распределения температуры в июле, январе (или любом другом месяце), теплового баланса отдельных участков планеты и т.п.; при изучении режима и распределения атмосферной влаги - в зависимости от условий конденсации водяного пара, количества атмосферных осадков, баланса влаги отдельных участков земной поверхности и т.п.; при изучении почвообразовательного процесса - в зависимости от общей характеристики факторов почвообразования, скорости образования органической массы почвы, особенностей перемещения и удержания веществ в почве, характеристики типов почв и т.д. и т.п. В каждом из таких случаев речь идет об однородных регионах, территориальные участки которых насыщены признаками одного рода (хотя не обязательно равными мерами). Полезность изучения таких регионов (например, в географии сельского хозяйства

России) очевидна, она не требует каких-то доводов. (Кстати, этим российские географы практически не занимаются - в "почете" у нас ментальная география, а также направления, условно ассоциируемые не с производством, а с "имиджеводством" и "смысловодством").

Одними из наиболее разработанных направлений научной рефлексии в регионаловедении являются *типы регионов, их иерархия и границы*. В специальной литературе выделяется свыше 50 категорий регионов, относящихся к различным сторонам физической, биологической или социальной среды и определяемых на основе множества конституирующих признаков. Последние варьируют в весьма широких пределах и различаются в зависимости от использования одного или нескольких признаков (однокритериальный или многокритериальный способ) регионализации, характера структуры и внутренних связей и т.п.

В западной литературе при классификации регионов чаще других используются следующие три градации:

1. Регионы, выделяемые по единичным признакам. В этом случае речь идет об учете какого-то индивидуального явления, как правило, не нуждающегося в дальнейшей дифференциации (например, участок с определенной крутизной склона или зона свеклосеяния в экономической географии). Такие регионы иногда называют простыми.

2. Регионы, выделяемые по нескольким признакам. Они отражают сочетание или симбиоз различных явлений. Их типичным примером могут служить ландшафтные регионы в физической географии, выделяемые с учетом климатического, гидрографического, почвенного, биотического и других факторов. Эти регионы получили название сложных.

3. Регионы, охватывающие почти всю совокупность проявлений человеческой деятельности в пределах рассматриваемой территории. Обычно в них находит отражение тесная взаимосвязь между естественными (природными) и общественными индикаторами территории. Примером подобных регионов могут служить культурно-исторические регионы. Часть географов настроена критически по отношению к исследованию регионов, выделяемых с учетом целого комплекса факторов, полагая что при обобщении множества

элементов может теряться достоверность выводов. Одно время по отношению к данному типу регионов использовались термины "тотальные" или "компажи" (лат. *compages* - соединение, структура).

Вне зависимости от критерия, на основании которого выделяются регионы, каждый из них может являться либо однородным (гомогенным), либо узловым (функциональным). Однородные регионы выделяются по принципу единственной присущей им особенности (или ассоциации нескольких особенностей), причем отличительные признаки внутри их проявляются повсеместно. Наглядным примером однородного региона является климатический регион. Узловые регионы представляют собой ареалы, характеризующиеся сходящимися или расходящимися из одной точки потоками вещества, энергии или информации. Примером элементарного природного узлового региона может служить речной бассейн вместе с подземными водосборами. В социально-экономической географии узловыми регионами являются административные области, сферы влияния поселений, зоны сбыта и сырьевые зоны промышленных предприятий, участки почтовых отделений, поликлиник, школ и т.п.

Под иерархией регионов понимаются такие их структурные отношения, при которых регионы низшего уровня образуют определенную целостность в рамках системы более высокого уровня. Различают нормальную иерархию регионов (когда таксоны одного порядка однородны и полностью входят в таксон более высокого порядка) и аномальную иерархию или иерархию расслоения (когда таксоны низового порядка не однородны и не подчинены правилу кратности). Например, административно-территориальные таксоны, как правило, отличаются нормальной иерархией, в то время как физико-географические - вовсе нет.

При нанесении на географическую карту любых различающихся участков земной поверхности (т.е. регионов) возникает необходимость их разделения при помощи тех или иных ограничительных знаков. Сделать это не всегда легко, особенно когда регионы объединяют явления прерывистого или "кучного" распространения. В этом случае затруднения возникают при определении периферийных

участков, которые носят переходный характер. И, напротив, если регионы отражают различия в интенсивности сплошного распространения, то оконтурить их границы не составляет труда.

Характер линий границ зависит от того, о каких территориях идет речь - обособленных или территориях сплошного или прерывистого распространения. Рубежи регионов, обязанных своим происхождением деятельности людей, обычно более четки в сравнении с природными. Классическим примером здесь могут служить политические и административные границы, имеющие линейный характер. Более или менее четки границы культурных ландшафтов, в то время как границы, например, естественных геоботанических регионов отнюдь не отличаются ясностью. Так, тайга переходит в тундру настолько "плавно", что появляется необходимость выделения лесотундры. В свою очередь, степь нередко "стыкуется" с лесом посредством лесостепи и т.д. Однако могут быть и исключения. Например, край рудного тела, когда он обнажен сбросом, проступает резко и легко наблюдается в полевых условиях, хотя речь идет о естественном рубеже и человек здесь "ни причем". С другой стороны границы социокультурных регионов тоже во многих случаях носят переходной, ярко выраженный "маргинальный" характер. Это явление можно проиллюстрировать не только зонами влияния поликлиник, средних школ, детских садов и т.д., но и границами культурно-исторических регионов.

Следует четко различать для себя два обстоятельства, связанные с границами регионов: одно дело - характер границ, представляющих собой четкую линию или "расплывчатую переходную полосу", другое - это способ их делимитации, изображения на карте. При незначительном масштабе толщина проводимой картографом линии может оказаться шире реальной границы-зоны, что исказит действительность. При этом ясно, что граница региона, выделенного по единственному признаку, наиболее точно соответствует изображению на карте (при условии совпадения толщины линии на карте с шириной переходной зоны), в отличие от границы региона, идентифицируемого по совокупности признаков. В последнем случае граница региона будет точной только при условии, если образующие ее "частные" линии совпадут.

Весьма непрост вопрос, связанный с научной экспликацией регионоведения. Несмотря на широкое употребление в англоязычной литературе термина "*regional science*" (региональная наука), именовать регионоведение, как это нередко делается, полностью самостоятельной наукой было бы опрометчиво. "...Регионализм (этот термин, используемый в западных источниках, семантически близок к "регионоведению", хотя и дистанцируется от природных регионов. - Ю. Г.) представляет собой знаменательный феномен в социологии науки. Он выступает в качестве междисциплинарного конгломерата, внесшего вклад в развитие нескольких дисциплин и стимулирующего циркуляцию идей, невзирая на межпредметные барьеры и национальные границы... Регионализм нацелен на заимствование, "перекрестное опыление", адаптацию и синтез" [12, с. 28].

Это образное выражение Э. Айсермана, как нельзя лучше, отражает интердисциплинарное значение регионоведения, призванного обеспечить свободную циркуляцию идей и методов познания реальной действительности от одной отрасли знания к другой. Часто регионоведение выступает как "организационная форма", интегрирующая данные разных наук и сфер знания в различных информационно-справочных бюллетенях, отчетах, специальных "паспортах" и т.п. Регионоведение может быть как сугубо географическим (физико-, экономико-, социально-, культурно-, политико-географическим), так и выходить далеко за рамки географии, служа, например, средством интерпретации идей в философии, социологии и т.д.

Кстати, термин "*регионализм*", по сложившейся традиции использующийся преимущественно по отношению к разнородным общественным процессам (экономической дифференциации пространства, движению за этнические права, децентрализации государственного устройства, межгосударственное сотрудничество соседних регионов и т.д.), в физической географии нами "не замечен". Вряд ли есть основания возводить стену между физической географией и процессами регионализма; причем последние могут рассматриваться как под углом зрения эволюционной дифференциации самой природной среды, так и в связи с влиянием естественных условий на регионализацию социально-экономического пространства.

Возвращаясь к функции "перекрестного опыления", не стоит забывать о том, что наиболее привычно ее выполняет познавательное (дидактическое) регионоведение, носящее ярко выраженный "идиографический" характер. Что же касается теоретического и конструктивно-регионоведения (занимающегося анализом пространственной дифференциации регионов и проектированием искусственных территориальных систем), то оно в гораздо меньшей степени напоминает "междисциплинарный конгломерат" и по своему характеру является уже глубоко географической субдисциплиной.

Хотя и в границах самой географии регионоведение направлено на адаптацию знаний из смежных ветвей науки, на их синтез. Изучение, например, культурно-исторических, природно-ресурсных, экономических, медико-географических, экологических и других регионов невозможно без привлечения не только знаний соответственно из истории и культурологии, естествознания и экономики, медицины и экологии, но и из физической, экономической, социальной, культурной, политической, медицинской географии. Дело в том, что обе ветви географии (условно: систематическая и региональная) "находятся в слитном единстве и имеют нерасторжимую теоретическую базу, которую нельзя "развесить" по двум квартирам" [11].

Сравнивая регионоведение с "плавильным котлом", аккумулирующим знания, почерпнутые из различных дисциплин, не следует упускать из виду, что комбинации и соотношения таких знаний могут быть самыми разнообразными, но неотъемлемой частью любых "регионоведческих конгломератов" всегда остается география. Обычно она служит аналитическим инструментарием для пространственной дифференциации регионов, определения их рубежей, конструирования искусственных регионов и т.п.

Следует с большой долей осторожности относиться к иногда раздающимся утверждениям лишь о "хронологической ценности" регионоведения. Мало кто из серьезных ученых ставит под сомнение научность таких объектов исследования как "*ландшафтный регион*", "*природно-ресурсный регион*" или "*экономический регион*", а жизнеспособность многих первоклассных теорий регионального разви-

тия подтверждена экономической практикой самых различных государств.

Повторимся: по своему характеру регионоведение как отрасль знания тяготеет сильнее всего к географии и может рассматриваться в качестве ее субдисциплины (т.е. вспомогательной дисциплины), находящейся в "зоре" между географией и целым веером других наук. При этом внутри ее можно выделить, во-первых, теоретическое регионоведение, занимающееся анализом пространственной дифференциации объективно существующих регионов, но не конкретных, а на примере их типов и моделей; во-вторых, конструктивное регионоведение, применяющее теоретические положения к проектированию искусственных территориальных систем, имеющих четкие границы; и, наконец, познавательное регионоведение (учебное регионоведение), изучающее регионализацию пространства как инструмент познания, как средство обыкновенной географической характеристики. Таким образом, "выхолащивать" научное содержание из регионоведения как ветви географической науки, значит дискредитировать сущность самой географии, которая в свою очередь в защите не нуждается.

Растущее в мире внимание к регионоведению вытекает из самого принципа территориальной дифференциации природных, людских и материальных ресурсов, учет и тщательное изучение которой создает условия для рационального "упорядочения" этих ресурсов, т.е. для торжества идей территориальной справедливости, экономического федерализма и, в конечном счете, демократии. И, напротив, игнорирование на государственном уровне региональных особенностей страны способно "загнать" региональные процессы в подавленные (пассивные) формы, что грозит региональными перекосами в социально-экономическом развитии, децентрализацией и ослаблением власти. Последнее убедительно иллюстрируется событиями, последовавшими вслед за распадом СССР.

Децентрализация государственной власти, развитие центробежных тенденций и опасность фрагментации единого экономического пространства наряду с усилением амбиций региональных элит вызвали в российском обществе небывалый всплеск интереса к региональной проблематике, к вопросам поиска

путей и средств "регионального выживания". Появились многочисленные публикации, авторы которых обратились к анализу тех трудностей и проблем, которые несет в себе слабо контролируемая регионализация российского социума. Речь идет о попытках некоторых региональных элит политического дистанцирования от официальной Москвы, нарушении на местах принципа разделения властей, затруднении принятия решений на федеральном уровне и увеличении вероятности дублирования полномочий, возможности паразитирования на регионализации организованной пресупности и т.д.

Все это свидетельствует о том, что регионализация общества не может трактоваться как некое универсальное средство, гарантирующее свободу и демократию и предохраняющее от "региональных" злоупотреблений и издержек. "Все есть яд и все есть лекарство, - справедливо утверждал Парацельс, - все зависит от дозы!". И от конкретной ситуации - добавим. История дает немало примеров, когда при одном режиме желаемое достигалось при помощи централизации, при другом - обеспечивалось посредством регионализации.

Крайней противоречивостью отличаются работы по экономическому регионоведению, где, хотя и существует представление о реальных, императивных экономических регионах, их место нередко занимают ментальные конструкции (те самые - "мусорные ящики"), создаваемые в высших эшелонах власти. Кстати, дисциплинарная принадлежность "экономического регионоведения" отнюдь не очевидна. Многолетние споры представителей экономической географии и региональной экономики о "приоритетах" и "заслугах" в исследовании пространственной организации экономики оказались бесплодными. (В прошлом создавалось впечатление, что обе стороны запомнили об условности всех граней в природе, обществе и, разумеется, в науке; что географы и экономисты-регионалисты исследуют одни и те же проблемы с различных методических и методологических позиций, двигаясь друг другу навстречу). Недопонимание возникло потому, что экономическая география вычленилась из географии, а региональная экономика (которую с полным основанием можно назвать "географической экономикой") - из экономики. Первая - ре-

зультат "экономизации" географии, вторая - следствие "географизации" экономики.

Предпринимавшиеся в прошлом (особенно в 70-80-е годы прошлого столетия) попытки обнаружить принципиальные различия между этими двумя отраслями научного знания не увенчались успехом [5; 6; 7; 9; 10 и др.]. С одной стороны, географы значительно раньше экономистов обратили внимание на данный "пласт" пространственного анализа, опередив их в разработке как понятийно-категориального аппарата, так и прикладных вопросов. В этой связи известные претензии академиков Н. А. Румянцева и Н. Н. Некрасова на "патентование" новой отрасли научного знания - "региональной экономики" [5; 10] - встретили естественное недоумение и легко прогнозируемый протест у географической общности СССР.

С другой - представители экономической науки значительно дальше географов продвинулись в исследовании региональных экономических проблем, что подтверждается целой серией соответствующих публикаций и конкретных научно-практических разработок. Со временем пиетет географов в развитии идей регионального экономического развития был предан забвению; была отвергнута мысль о том, что региональная экономика - наука междисциплинарная, становление и развитие которой возможно, только опираясь на результаты исследования специалистов различных отраслей знания, прежде всего, географов, ученых технических и естественных наук, а также математики [см., напр.: 8].

Тема настоящей статьи не позволяет подробно развивать идею о "размежевании" экономической географии и региональной экономики. Отметим лишь, что объект экономической географии несопоставимо шире объекта региональной экономики, и сравнивать с последней можно региональную экономическую географию, а не экономическую географию в целом. Неустраняемая специфика экономической географии (региональной экономической географии) заключается, прежде всего, в единстве с физической географией, что по многим причинам "недоступно" региональной экономике. Речь идет, в частности, об исследовании экономики регионов в тесной корреляции с изучением природных комплексов, экономи-

ческой оценкой природных условий и ресурсов (прежде всего, экстремальных природных условий, почв, агроклиматических ресурсов и т.д.), состоянием окружающей среды и т.д.

Представители экономической науки преуспели в исследовании процессов и тенденций, прежде всего, экономического (а не социального!) развития регионов, ставя во главу угла такие проблемы как повышение производительности труда, рост валового регионального продукта, структура и эффективность основных фондов, поиск источников инвестиций и т.д. Формирование рыночной экономики регионов привлекло особое внимание к таким элементам рыночного "порядка", как институт частной собственности; правовое государство, выделяющее частным субъектам надежную сферу, в которой они могут действовать, исходя из собственных интересов; обеспечение свободы предпринимательства, эффективная антимонопольная политика. В поле зрения экономистов-регионалистов все чаще оказываются различные агенты рынка (инвестиционные компании, банки и др.), имеющие непосредственное отношение к выработке стратегии размещения капиталов и формирования региональных рынков. Исследователи часто заинтересованы в обладании полноценной информацией о каждом предприятии региона, вступившем в рыночные отношения. Для этого требуется анализ множественных деталей: полной номенклатуры выпускаемой продукции с точки зрения технических и экономических характеристик, уровня конкурентоспособности, степени соответствия технологической базе предприятия с целью разработки перспективной производственной программы; сложившейся с учетом межотраслевой и внутриотраслевой кооперации практики формирования производственной программы предприятия; использования парка оборудования по степени и видам его соответствия перспективной производственной программе; численности и профессионально-квалификационного состава работающих (с сопоставлением фактического положения с потребностями, обусловленными перспективной производственной программой); организационной структуры предприятия с целью ее совершенствования в связи с коммерциализацией деятельности и т.д. и т.п.

Совершенно очевидно, что данная проблематика географов интересует значительно в меньшей степени, чем вопросы социального содержания или проблема поиска равновесия между рыночной эффективностью и социальной справедливостью. Предметом исследования географов чаще становятся такие аспекты, как благосостояние жителей регионов; состав, структура и динамика экономически активного и неактивного населения (особенно с учетом его национального и конфессионального состава); динамика занятости населения и структура занятости по формам собственности, отраслям экономики, профессиям и т.д.; безработица и ее влияние на структуру рынка труда; движение рабочей силы и использование рабочего времени и т.д. (В этой связи особо отметим исследования Н. В. Зубаревич и В. В. Воронина [1; 2; 3 и др.]).

В заключение отметим, что одной из наименее изученных сфер регионоведения остается область границ (или рубежей) между различными типами регионов в географическом, историческом, социокультурном, экономическом, информационном и других пространствах. Возросшее в последние годы внимание регионалистов к осмыслению *рубежной коммуниктивности* принесло хорошие результаты, показало большую перспективность этого научного направления. Эти результаты могли бы быть еще значительнее, если бы разработчики чаще и основательнее обращались бы к естественным наукам, не ограничивали бы поиск стыком философии и морфологии культуры, этнологии, экономики, гуманитарной географии. (Философские основы пограничных состояний были впервые изложены И. Кантом, соединившим в себе, таким образом, философа и географа. "Кантовская проблема - это проблема пограничных состояний, которые в принципе только на границах и существуют. Проблема полей, напряжений, создаваемых существованием самих этих границ" [4, с. 343]).

Характер линий границ зависит от того, о каких территориях идет речь - обособленных или территориях сплошного или прерывистого распространения. Рубежи регионов, обязанных своим происхождением деятельности людей, обычно более четки в сравнении с природными. Классическим примером здесь могут служить политические и административные

границы, имеющие линейный характер. Более или менее четкие границы культурных ландшафтов, в то время как границы, например, естественных геоботанических регионов отнюдь не отличаются ясностью.

С рубежной коммуникативностью тесно ассоциируется понятие "рубежной энергетики". Принято считать, что именно маргинальные зоны несовпадающих природных, эконо-

мических, этнокультурных, информационных и других полей и служат источником энергетических импульсов. Нетрудно видеть, что рубежная энергетика имеет непосредственное отношение к эмоционально-чувственной сфере и, таким образом, может являться не только стратегическим ресурсом материального развития, но и ресурсом духовного возрождения социума, этноса, государства.

Литература

1. Воронин В.В. Территориальный анализ процесса формирования и использования трудовых ресурсов. - Самара, 1996. - 479 с.
2. Зубаревич Н.В. Региональные модели социальной политики // География и региональная политика. - Смоленск, 1997.
3. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. - М., 2003. - 261 с.
4. Мамардашвили М. Классические и неклассические идеалы рациональности. - М., 1984.
5. Некрасов Н.Н. Региональная экономика. - М., "Экономика", 1978. - 343 с.
6. Новые задачи экономической географии // Вопросы экономики, 1976, № 6. - С. 132.
7. Покшишевский В.В. "Экономизированная" экономическая география или Что-то совсем иное? // Изв. АН СССР. Сер. географ., 1975, № 6. - С. 132.
8. Проблемы региональной экономики. - СПб: ИРЭ РАН, 2001. - 260 с.
9. Пробст А.Е. Региональная экономика и экономическая география. В сб.: Теоретические аспекты экономической географии. - Л., 1975, с. 81.
10. Румянцев А. Важное направление в экономических исследованиях // Коммунист, 1976, № 1. - С. 52.
11. Пуляркин В.А. Дискуссионные вопросы современного научного страноведения. В кн. Проблемное страноведение и мировое развитие. - Москва-Смоленск, 1998.
12. Isserman A. Lost in Space? On The History, Status, and Future of Regional Science // The Review of Regional Science. Vol. 23. № 1. Summer. - P. 28-29.
13. Markusen A. Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishers, 1987. - P. 17, 251.
14. Rostow W. Regionalism in a Global System // From Globalism to Regionalism. New perspectives on US Foreign and Defence Policies. National Defence University Press, Washington, D.C., 1993.